

Салават Юзеев

(современная татарская литература)

Отрывок из романа «Не перебивай мёртвых»

– Меня зовут Сарман Биги...

Возможно, что для моего попутчика это была ночь, когда хочется говорить, в любой жизни есть такие ночи, когда каждое слово несёт оттенок исповеди. А нигде не хочется так открыть душу, как в поезде. Поезд, он порою, как храм, несущийся в ночи. И говорить нет сил, но ты говоришь, как заведённый.

– ... я не был на Родине почти полвека.

Поезд следовал до Казани. Я ехал до конечной остановки, мой же попутчик должен был сойти на одной из промежуточных станций, откуда до его деревни ещё надо было добираться на рейсовом автобусе.

– Как медленно смеркается, – сказал он, взглянув в окно. – За это время можно сказать несколько тысяч слов. А в наших местах темнеет быстро. Скажешь одно слово – и уже темно.

Он произнёс слово, но я его не расслышал, поскольку поезд с шумом влетел в туннель. Вокруг и впрямь стало темно. Поезд ухнул в темноту, как в колодезь. Но в следующий миг уже посветлело, туннель закончился.

– Давайте попьём чаю, – предложил мой попутчик.

– И правда, – сказал я. – Давайте попросим у проводника.

– У него вчерашний чай, – сказал он и достал из своей сумки мешочек с чаем. Затем попросил меня принести кипятку.

К моему удивлению, у него оказались с собой заварочный чайник и пара пиал. Я принёс кипятку, он заварил чай, его движения были легки и естественны, то были движения мастера.

– Не доверяю людям, которые пьют вчерашний чай, – говорил он, пробуя из пиалы. – Вчерашний чай это словно насмешка над тобой. А свежий чай, – он поднял пиалу вровень с линией глаз, – он имеет вкус истины. Так же, как имеют её человеческая кровь, женщина и смерть. Вы пейте, что ж вы не пьёте?

– Почему не пью? Пью.

Его чай был и впрямь замечателен. Гулко стучали колёса, за окном неслась темнота, железнодорожные ветки под нами сходились и вновь расходились, истина, заключённая в чае, сходилась с истиной мчащегося в ночи поезда.

– Если вы возите с собой набор для заваривания чая, вам следовало бы возить с собой и воду, – сказал я, сделав пару глотков.

– На железной дороге особая вода, – ответил незнакомец. – Я никогда не избегаю возможности вновь её попробовать. Вкусу чая добавляется горизонт и запахи чужих территорий. Истина двоится, троится, множится, имеет оттенки. Итак, на чём я остановился?

– На том, как быстро темнеет в ваших краях.

– Да, стоит произнести одно слово, и уже темно. Слово, которое я говорил, было имя женщины. Наша деревня расположена на двух больших холмах. < ... >

Я стоял на одном из этих холмов, называл имя моей любимой, и она отвечала мне с другого холма, назвав моё имя. И я торопился к ней, угадывая под ногами тропинку. С соседней улицы доносились звуки гармонии, из домов выходила молодёжь, начинались танцы. Извините, я почему-то начал рассказывать, забыв даже спросить, вам интересно? – Он вопросительно посмотрел на меня, блеснув стёклами очков.

– Вы упомянули про танцы, которые у вас начинались по вечерам, – сказал я. – И это мне кое-что напомнило. Один писатель как-то сказал, что любое неожиданное путешествие – а рассказ, несомненно, есть путешествие, – это урок танцев, преподанный Богом. Итак, я весь во внимании.

– Хороший слушатель – большая редкость в наше время, – попутчик подлил мне ещё чаю. – Люди большей частью любят говорить. «Молчание овцы и то красноречивей болтовни некоторых людей». Так говорил Вафа-бабай, глядя на стадо, которое маячило вдали под холмом. Этот старичок сам, однако, был достаточно разговорчив. Но разговоры его большей частью были по делу. Он обладал мудростью, той самой мудростью, что старше самого человека. Мы – детвора – постоянно вертелись у него под ногами. Мудрость, она всегда притягательна, к ней тянется и взрослый и ребёнок, и умный и дурак, и хороший человек и негодяй. Вафа-бабай был из породы старцев, умеющих всё. Он знал, как правильно проводить покойника, при надобности мог провести обряд обрезания, помнил обычаи, которые люди могли забыть, но без которых жизнь становится пустой, как вчерашний чай. < ... > Например, чтобы подчеркнуть ограниченность какого-нибудь молодчика, Вафа-бабай бросал фразу типа: «Дурак растёт в хвост» (то есть вся сила растущего организма идёт на увеличение хвоста). Или: «Этот человек живёт не в годы, а в рот», – говорил он про никчёмного человека, любящего поесть. Предметами его мудрости являлись рука, голова, животные, дерево. Согласитесь, именно такого рода мудрость убедительна...

Расул Гамзатов
(литература Кавказа)
Отрывок из книги «Мой Дагестан»

Я думаю, что сам Аллах, прежде чем рассказать своим приближенным какую-нибудь забавную историю или высказать очередное нравоучение, тоже сначала закурит, неторопливо затянется и подумает.

Самолет, прежде чем взлететь, долго шумит, потом его везут через весь аэродром на взлетную дорожку, потом он шумит еще сильнее, потом разбегается и, только проделав все это, взлетает в воздух.

У всякой хорошей книги должно быть такое начало без длинных оговорок, без скучного предисловия. Ведь если быка, пробегающего мимо, не успеешь схватить за рога и удержать, то за хвост его уже не удержишь.

И все же я думаю, что Аллах неторопливо закуривает, прежде чем начать свой рассказ.

И все же в моих горах есть обычай — всадник не вскакивает в седло около порога сакли. Он должен вывести коня из аула. Наверно, это нужно, чтобы еще раз подумать о том, что он оставляет здесь и что ожидает его в пути. Как бы ни подгоняли дела, неторопливо, раздумчиво проведет он коня в поводу через весь аул и только потом уж, едва коснувшись стремени, взлетит в седло, пригнетса к луке и растает в облачке дорожной пыли.

Вот и я, прежде чем вскочить в седло моей книги, медленно иду в раздумье. Я веду коня в поводу и сам иду рядом с ним. Я думаю. Я медлю произнести слово.

Мне не два и не шестьдесят. Я на середине пути. Но все же я, видимо, ближе ко второй точке, потому что несказанное слово мне дороже всех уже сказанных слов.

Книга, не написанная мною, дороже всех уже написанных книг. Она самая дорогая, самая заветная, самая трудная.

Новая книга — это ущелье, в которое я никогда не заходил, но которое уже расступается передо мной, маня в туманную даль. Новая книга — это конь, которого я еще никогда не седлал, кинжал, которого я еще не вытаскивал из ножен.

Горцы говорят: "Не вынимай кинжал без надобности. А если вынул — бей! Бей так, чтобы сразу убить наповал и всадника и коня".

Вы правы, горцы!

И все же. Прежде чем обнажить кинжал, вы должны быть уверены, что он хорошо заточен.

Отец еще говорил: предисловие напоминает человека с широкой спиной, к тому же в большой папаше, сидящего в театре впереди меня. Хорошо еще, если он сидит прямо, а не клонится то вправо, то влево. Как зрителю мне такой человек приносит большие неудобства и вызывает в конце концов раздражение.

Не таково ли и предисловие к книге?

Когда я был московским студентом, отец прислал мне денег на зимнее пальто. Получилось так, что деньги я истратил, а пальто не купил. На зимние каникулы в Дагестан пришлось ехать в том же, в чем уехал летом в Москву.

Дома я стал оправдываться перед отцом, на ходу сочиняя всякие небылицы, одну нелепее и беспомощнее другой. Когда я окончательно запутался, отец перебил меня, сказав:

— Остановись, Расул. Я хочу задать тебе два вопроса.

— Задавай.

— Пальто купил?

— Не купил.

— Деньги истратил?

— Истратил.

— Ну вот, теперь все понятно. Зачем же ты наговорил столько бесполезных слов, зачем сочинил такое длинное предисловие, если суть выражается в двух словах?

Так учил меня мой отец.

И все же ...

Когда люди ждут появления свадебной или похоронной процессии, сначала они видят гонца.

Когда люди ждут в аул гонца, сначала они видят облачко пыли, потом лошадь, а потом всадника.

Юван Шесталов

(мансийская литература)

Отрывок из повести «Сначала была сказка»

Каждой весной на Север плывут огненные лодки с большими баржами. Привозят соль — увозят осетров, нельм, муксунов.

На этих огненных лодках веселые люди — купцы — плавают. И самый именитый среди них — купец по имени Плотник. Это так его манси называют, а для русского уха он Плотников. Большой это человек! Богатый!.. У, какой богатый!.. Много у него огненных лодок, много неводов, много соли... По всей Оби он хозяин. Рыбаков у него тысячи. И его люди рыбу не только ловят, но и в железо заворачивают. Консервами это называется. Когда ешь такое чудо — чуть железом пахнет. Но все равно это не железо, а рыба. Наша вкусная, обская рыба...

Веселый человек этот Плотник. У него всегда вода веселая есть. Пристанет к берегу сияющая огненная лодка — праздник приходит в селение. Угощает он всех веселой, горькой водой. И люди не скупятся — кто соболя подарит, кто икру осетровую. Веселый купец! Хороший! Главное, он говорит на языке манси. Хоть коряво, но говорит. Это очень хорошо, когда даже сам Плотник хочет быть на манси похожим!

И зачем это в Тубыл-ус, где живет веселый купец Плотник, привезли Белого царя? Не хотят ли обучить царя мансийскому языку? А может, веселым его сделать хотят? Таким, как купец Плотник? А может, Плотника хотят сделать царем?

Непонятно! Совсем непонятно. Зачем привезли царя в Тубыл-ус? А может, это совсем не так? Надо съездить в Тубыл-ус и узнать и про Белого царя, и про Красный дух — Революцу! Все надо узнать самим!

В одно прекрасное зимнее утро Солвал и Потепка тронулись в дальнейшее путешествие. Зима повернула лицо свое к весне. Солнце поднималось все выше и выше. Днем снег становился мягким, ночью твердел как сахар. Наступало время звонких и длинных дней, хороших дней для дальней дороги.

Скрипел снег, пели полозья, звенели колокольчики. Но Солвал теперь не думал о богах, не задавал себе вопросов: «Кто такой Революца?» Слишком все это сложно и запутанно. Он с наслаждением думал о земле своей. Хотя далеко никогда не ездил, он, кажется, ее знал как родную мать. В привычном и волшебном мире сказок она казалась чуть таинственной. Но все, что происходило на ней, объяснялось в сказочном мансийском слого.

Сказка... Она как родник. Прильнешь к ней, мучимый жаждой, напьешься прохладной живительной влаги и снова чувствуешь себя человеком. Все станет ясно и понятно.

Земля... Как она появилась? Где начало всех начал?

Кто такой Революца?!

Не знает об этом сказка.

Кто такая Земля?

Все о Земле знает сказка.
А появилась Земля вот как.

Жили старуха со стариком. Кругом вода, вода, вода... В хрустальных струях тонет звездное небо. На зыбких волнах моря колышутся и жаркое солнце, и ледяная луна, и маленький их домик. Старик со старухой начали уж было глохнуть от безумолчного плеска волн. Но вдруг до их ушей долетели неведомые звуки. Глаза старца устремились за дверь. И видит старый — сверху летит железная гагара.

Пролетела семь кругов, — опустилась на волны. Оправила крылья и нырнула в воду. Долго ли коротко ли была под водой — вынырнула. В клюве у ней ничего нет. Второй раз исчезла под волнами — вынырнула: в клюве у ней лишь тяжелый вздох. И только в третий раз принесла она в клюве крохотный кусочек земли. Бросила ее у порога и, расправив железные крылья, снова заскользила по воде. Семь раз повторила над домиком вечный путь солнца и растаяла в лазури неба.

На третий день любопытные глаза старца выглянули за дверь и видят: у порога появился маленький кусочек земли. На седьмой день опять выглянули: земля уже немного выросла. Старец захлопнул дверь и, удивленный, стал рассказывать старухе сказку о рождении чуда вселенного — земли. Долго, видно, рассказывал. Потому что, когда вышли старик со старухой из домика, моря уже не было.

— Куда оно делось? — спрашивали древние.
— Наверное, под землей...

Земля... Какая она? Идешь, идешь, а она не уходит из-под ног. Только небо над головою с ярким солнцем — днем, с глазастыми звездами — ночью. Плещут синими волнами реки, зелеными ветвями шумит дремучая тайга, и не раз на пути встанут горы, вросшие камнем в небо. Какая она, земля? Было о ней много дум, длинных, как зимняя ночь.

Сказывают, сначала земля, выросшая из крошки, которую достала со дна священная гагара, качалась на море, плавала.

Тогда Торум, создатель Вселенной, опустил на землю свой пояс. Пояс его украшен тяжелыми пуговицами. Под его тяжестью земля осела глубоко в воду и стала неподвижной. На том месте, где лег пояс, теперь Уральские горы. Это самая середина земли.

А пояс тот был не простой. Золотые пуговицы горели ярче солнца, а серебряные светились полной зимней луной. Хрустальные камни ослепительно сверкали, как снег под весенними лучами. Звездным Млечным Путем мерцали украшения из меди, олова. Причудливые мраморные и гранитные фигуры висели на золотых цепях, как фигурки, сделанные из кости мамонта, на поясе охотника.

Богатый Урал — как пояс с драгоценными камнями. Центром земли считали его манси.

Кузубай Герд
(удмуртская литература)
Я ни разу не видел море

Я ни разу не видел море,
Я ни разу не видел юг.
И мне кажется, в синем просторе
Я увижу лишь поле и луг.
Говорят, что оно красиво -
Как живое дрожит при луне...
Но милей мне родные нивы,
Стук цепов на удмуртском гумне.
Что там волны упруги и дики,
Чайки в небе, как белый снег...
Но милей мне полынь с повиликой,
Облака в голубой вышине.
Мой курорт - наши вотские гурты,
Мое море - просторы полей,
Где в волнах, точно в море, удмурты
Жнут свой хлеб, пригибаясь к земле.
Наше поле не хуже моря
И красивей его во сто раз,
Где колосья, с ветрами споря,
Гнутся, бьются с зари, с утра!
Наше поле весной голубое...
А потом, как начнет цвести,
В бледно-желтом томясь покое,
Ждет поры, чтоб зерно принести.
А когда нальется, созреет,-
Станет ярким, как яркий день,
Золотыми брызгами веет
В берегах голубых деревень...
Я ни разу не видел море,
Я ни разу не видел юг.
И мне кажется, в синем просторе
Я увижу лишь поле и луг.